

Научная статья
УДК 343
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-185-190>

**К вопросу о квалификации доведения до самоубийства лица,
находящегося в материальной или иной зависимости,
по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан**

Файзализода Фариды Саиджафар

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, ffarida98@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы квалифицированные составы преступлений, предусмотренных пунктом «а» части 2 статьи 110 Уголовного кодекса Российской Федерации и части 2 статьи 109 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, предусматривающие уголовную ответственность за доведение до самоубийства или покушение на него с учетом квалифицирующего признака: наличие материальной или иной зависимости потерпевшего лица от виновного. По результатам изучения особенностей взаимоотношений между виновным и потерпевшим, находящимся в зависимости, проведен анализ возможных форм и способов совершения исследуемого преступления. Предпринята попытка описания понятия материальной и других видов зависимости потерпевшего от виновного лица, в которых может оказаться суицидент. Охарактеризовано поведение потерпевшего и его возможная роль в механизме совершения анализируемого преступления, что может иметь принципиальное значение при расследовании преступлений, касающихся доведения до самоубийства, при наличии квалифицирующего признака материальной или иной зависимости от лица. Определены дополнительные факторы риска доведения до самоубийства или покушения на потерпевшего в связи с материальной или иной зависимостью от виновного.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, суицид, материальная зависимость, служебная зависимость, зависимость в семье, домашнее насилие, склонение, содействие, вовлечение

Для цитирования: Файзализода Ф. С. К вопросу о квалификации доведения до самоубийства лица, находящегося в материальной или иной зависимости, по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 185–190. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-185-190>.

Original article

**On the issue of the qualification of suicide of a person who is financially
or otherwise dependent, according to the legislation of the Russian Federation
and the Republic of Tajikistan**

Farida S. Faizalizoda

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ffarida98@mail.ru

© Файзализода Ф. С., 2024

Abstract. The article analyzes the qualified elements of the crime provided for in paragraph “a” of Part 2 of Art. 110 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation), and Part 2 of Art. 109 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Republic of Tajikistan), which provides for criminal liability for incitement to suicide or attempted suicide, taking into account the qualifying feature: the presence of financial or other dependence of the victim on the perpetrator. Based on the results of revealing the peculiarities of the relationship between the perpetrator and the victim, on whom the latter is dependent, an analysis of possible forms and methods of committing the crime under study was carried out. An attempt has been made to describe the concept of material and other types of dependence on the guilty party, in which a suicide may find themselves. The behavior of the victim and his possible role in the mechanism of committing the crime under analysis are characterized, which can be of high importance in the investigation of incitement to suicide in the presence of financial or other dependence on the perpetrator as a qualifying feature. Additional risk factors for driving to suicide or attempted suicide due to financial or other dependence on the perpetrator have been identified.

Keywords: incitement to suicide, suicide, financial dependence, work dependence, dependence in the family, domestic violence, inducement, assistance, involvement

For citation: Faizalizoda F. S. On the issue of the qualification of suicide a person who was in financial or otherwise dependent, according to the legislation of the Russian Federation and Republic of Tajikistan. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2, (66), pp. 185–190. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-185-190>.

Рассматривая причины суицидального поведения, особо следует подчеркнуть крайне негативные черты, присущие анализируемому явлению. Не акцентируя внимание на столь исключительном последствии, как смерть, упомянем о совокупности факторов социально-демографического, экономического, психологического и иного характера, учитываемых при исследовании проблем суицида.

Статистические показатели о количестве самоубийств в Российской Федерации вызывают крайнюю озабоченность. В 2022 году зарегистрировано свыше 24 тыс. самоубийств [1], из них 679 — среди несовершеннолетних [2].

Обращают на себя внимание статистические показатели совершенных самоубийств в Республике Таджикистан, представленные Генеральной прокуратурой: в 2015 году совершено 692 самоубийства; в 2016 году — 637; 2017 году — 536; 2018 году — 581; 2019 году — 632; 2020 году — 487; 2021 году — 569; 2022 году — 487; 2023 году — 456 человек. Несмотря на стабильно большое количество совершаемых самоубийств, уголовные дела по статье 110 УК РФ возбуждались крайне редко. В Республике Таджикистан за доведение до самоубийства в суд в 2015 году было отправлено 39 уголовных дел; в 2016 году — 42; 2017 году — 32; 2018 году — 37; 2019 году — 39; 2020 году — 34; 2021 году — 35; 2022 году — 42; 2023 году — 41 [3]

Когда человек лишает себя жизни из-за других лиц, которые прямо или косвенно повлияли на принятие решения покончить жизнь самоубийством, склоняли или способствовали совершению отчаянного поступка, виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности,

поскольку их действия требуют не только моральной оценки, но и надлежащей юридической квалификации. Защищая в качестве высшей социально значимой ценности жизнь человека, статья 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [4], статья 109 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее — УК РТ) [5] предусматривают ответственность не только за доведение до самоубийства, но и за покушение на самоубийство, признавая их уголовно наказуемыми деяниями.

Квалифицированные составы выделенных норм уголовных законов обоих государств предусматривают в пункте «а» части 2 статьи 110 УК РФ и части 2 статьи 109 УК РТ повышенную ответственность за доведение до самоубийства или покушение на лицо в случаях, если оно находилось в материальной или иной зависимости от виновного. Целесообразность выделения подобного квалифицирующего признака состоит в предоставлении дополнительной защиты лицам, которые в силу социально-экономических и морально-психологических причин не в силах противодействовать оказываемому на них влиянию ввиду зависимости от субъекта, его допускающего.

Учитывая то, что человек, его жизнь и здоровье есть высшие ценности, закрепленные во всех основных законах любого современного демократического государства, указанные блага подлежат защите, в том числе уголовно-правовыми средствами. При этом необходимость в анализе проблематики квалификации доведения до самоубийства, в том числе с выявлением специфики квалифицирующих признаков, заключающихся в нахождении лица в материальной или иной зависимости от субъекта преступления, очевидна.

В квалификации преступлений по пункту «а» части 2 статьи 110 УК РФ и части 2 статьи 109 УК РТ важно корректно выделять объект преступления. Состав данных преступлений является формально-материальным, то есть деяние считается оконченным в момент наступления вредных последствий, а именно смерти или покушения на самоубийство потерпевшего. Следовательно, основным объектом в данной категории составов является жизнь человека [6, с. 109]. В то же время имеет место и выделение такого объекта преступного посягательства, как субъективное право человека самостоятельно распоряжаться своей жизнью [7, с. 65]. Дополнительным объектом при исследуемом квалифицированном составе следует назвать человеческое достоинство потерпевшего, поскольку на него оказывается эмоциональное и психологическое давление, провоцирующее развитие у лица негативного эмоционального состояния и душевного беспокойства, связанного с осознанием себя как личности. При этом виновный оказывает на жертву такое эмоциональное и психологическое давление, из-за которого потерпевший решает покончить с жизнью.

Для применения квалифицирующего признака, предусматривающего материальную или иную зависимость жертвы от виновного, следует определить само наличие такой зависимости, которую констатирует суд в соответствии с установившимися отношениями между обозначенными сторонами [8, с. 55].

Потерпевшим в обозначенном случае является лицо, находившееся в материальной или иной зависимости от субъекта и совершившее самоубийство или покушение на самоубийство. Такое лицо — жертва проявления давления, которая переживает, претерпевает различные неприятности от кого-либо; на нее давят, над ней издеваются, проявляют насилие, ей угрожают либо шантажируют, то есть оказывают определенное давление, используя зависимость и невозможность либо сложность оказания сопротивления.

Под материальной зависимостью в данном случае следует понимать состояние, при котором потерпевший получает от виновного весомую материальную поддержку или находится на его иждивении (например, зависимость нетрудоспособной женщины от мужчины, нетрудоспособного мужчины от женщины, несовершеннолетних детей от родителей, нетрудоспособных родителей от детей и т. п.) [9, с. 212]. По аналогии под иной зависимостью следует понимать зависимость подчиненного от начальника, военнослужащего от командира, обучающегося

от педагога, одного родственника от другого и тому подобное.

При этом относительно установления содержания термина «в материальной или иной зависимости от виновного», равнозначно примененного как в российском, так и в таджикском уголовных законах, целесообразно считать, что такая зависимость лишь тогда может рассматриваться как побуждающая к совершению самоубийства, если при ней субъектом преступления совершаются действия, способствующие появлению и реализации желания совершить суицид, например, в случае оказания виновным систематического давления, унижающего личность потерпевшего. Непосредственное выделение в диспозициях соответствующих статей форм и способов совершения такого преступления не представляется обоснованным, поскольку обширность вариантов доведения до самоубийства или покушения на него чрезмерно высока, а появление новых изощренных способов давления в случае отсутствия детализации их в норме уголовного закона будет способствовать криминализации любого деяния, если оно преследовало достижение преступной цели и привело либо могло привести к фатальному последствию смерти зависимого лица в результате суицида.

Как представляется, предусмотреть все виды зависимостей, в которые может попасть пострадавший, а также определить исчерпывающий перечень способов доведения до суицида крайне затруднительно. Тем самым обобщенная, недетализированная формулировка соответствует тезисам о человеке как высшей ценности (ст. 2 Конституции РФ [10], ст. 5 Конституции РТ [11]) и об обязанности государства защищать жизнь человека, хотя впоследствии, учитывая полученный в будущем криминалистический и процессуальный опыт, судебную и следственную практику, может потребоваться уточнение дефиниции по пункту «а» части 2 статьи 110 УК РФ, части 2 статьи 109 УК РТ.

Наибольшую остроту демонстрирует проблема зависимости в семье, причем как при наличии зарегистрированного брака, так и в случае пребывания лиц в фактических брачных отношениях. Как российская и таджикская, так и зарубежная судебная практика рассматривает в качестве зависимости нахождение одного из супругов в ситуации материального, морального, физического или иного подавления иным супругом.

Мы ознакомились с позициями ученых, изучавших связь между домашним насилием в отношении женщин и риском суицида [12; 13; 14]. Показательным представляется

исследование, проведенное турецкими учеными *F. Kavak, Aktürk Üm, A. Özdemir, A. Gültekin* среди замужних женщин в возрасте 18 лет и старше (1 025 человек) в 10 семейных медицинских центрах, расположенных в муниципалитете Йешилюрт провинции Малатья (Турция). В ходе аналитической работы была использована анкета из шести вопросов, сформулированных с упором на разработанную заранее шкалу домашнего насилия и шкалу вероятности суицида. Для оценки показателей использовали распределение в процентах, среднее арифметическое, тест независимой выборки и корреляцию. Исследование показало, что уровень домашнего насилия среди женщин был высоким, а риск самоубийства среди них — умеренным [15, с. 576]. В зависимости от степени подавления воли потерпевших, повышения степени их уступчивости давлению и насилию в семье увеличивался уровень риска самоубийства.

От насилия в семье могут страдать все члены семьи, но более распространены проявления насилия в отношении слабых, неспособных защитить себя и зависимых членов семьи: детей, пожилых людей, лиц с ограниченными физическими или психическими возможностями, женщин. Однако современные реалии свидетельствуют об ошибочности мнения, что обычно лишь дети, старики, женщины могут находиться в материальной или иной зависимости, становиться жертвами домашнего или служебного насилия, провоцирующего попытки суицида. Актуальное для современного этапа общественного развития стремление женщин к профессиональному и карьерному росту, личностному развитию, разрушению гендерных стереотипов отчасти изменило восприятие, в связи с чем несколько трансформировались и проявления давления с использованием материальной или иной (внутрисемейной, служебной и прочей) зависимости, демонстрируемой женщинами по отношению к мужчинам. На практике уже не единичными являются случаи доведения так называемого «сильного» пола до самоубийства «слабым», если потерпевший пребывает в зависимости от своей «мучительницы».

Таким образом, в семейных отношениях смещение традиционных гендерных ролей может оказывать психологическое давление на мужчин, обуславливать домашнее насилие, утеснять эго мужчин, провоцировать кризисные состояния и самоубийства. Такие проблемы в научной литературе преимущественно обходятся вниманием, а между тем количество суицидов лицами, находящимися в материальной или иной

зависимости от супруга в семье, возрастает вне зависимости от разграничения субъекта преступления и потерпевшего по половому признаку.

Дополнительным и достаточно неоднозначным фактором риска доведения до самоубийства по причине материальной или иной зависимости от виновного является зависимость пострадавшего от психоактивных веществ (алкогольная, наркотическая зависимость, депрессивные расстройства), то есть лишение финансирования, непредоставление материальных средств на приобретение психоактивных веществ, психотропных лекарственных средств. Психоактивные вещества влияют на адекватность восприятия реальности, могут усиливать депрессивные состояния, а при наличии состояния эмоционального страдания — это крайне критично. На это указывают такие ученые, как *A. Jakubczyka, A. Klimkiewiczza, A. Krasowskaa, M. Koperaa, A. Sławińska-Cerana, K. J. Browerb, M. Wojnar*, анализирувавшие сексуальное насилие и попытки суицида в анамнезе у больных алкогольной зависимостью [16, с. 1564].

Жестокое обращение с детьми в анамнезе считается одним из высоковероятных факторов риска суицидальных попыток в будущем. Исследователи доказали, что попытки суицида появляются значительно чаще у людей, страдающих алкогольной или наркотической зависимостью, имеющими иные деструктивные привычки, сформированные в том числе в связи с проявленным по отношению к ним насилием в детстве.

Объективная сторона исследуемого преступления имеет следующие составляющие:

1) действие или бездействие, нацеленное на создание реальных условий для совершения самоубийства или покушения на самоубийство другим лицом;

2) доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство посредством осуществления физического, психологического, информационного воздействия на суицидента.

Соответственно, под физическим воздействием следует понимать жестокое обращение с лицом, систематическое унижение человеческого достоинства, систематическое противоправное принуждение к действиям, противоречащим его воле [17, с. 63]. Психологическое воздействие предполагает активную деятельность (убеждение, внушение, подражание, манипулятивное поведение), направленную на изменение психики или поведения потерпевшего. В свою очередь, информационное воздействие осуществляется через передачу, интерпретацию,

искажение информации, которая предрасполагает или побуждает человека к самоубийству.

Склонение к самоубийству как способ совершения преступления порождает у потенциального суицидента желание покончить с собой и является необходимым условием совершения суицидальных действий. В свою очередь, содействие самоубийству — это создание соответствующих условий для дальнейшего развития причинной связи, обуславливающей трагические последствия.

Преступление может совершаться и в форме бездействия, под которым следует понимать непредоставление материальных благ лицом, которое по закону или в связи с другими устоявшимися социальными правилами, межличностными отношениями должно было и могло (или обязано было) заботиться о потерпевшем.

Исходя из приведенных форм и способов исследуемого противоправного уголовно наказуемого деяния, под объективной стороной преступлений, предусмотренных пунктом «а» части 2 статьи 110 УК РФ, части 2 статьи 109 УК РТ, следует понимать умышленные действия или бездействие преступника, обуславливающие наступление такого последствия, как самоубийство или покушение на него.

Субъект рассматриваемого преступления — общий, это физическое вменяемое лицо, достигшее на момент совершения преступления 16-летнего возраста. В соответствии с логикой законодателя при совершении преступлений, предусмотренных пунктом «а» части 2 статьи 110 УК РФ или части 2 статьи 109 УК РТ, в момент совершения преступления потерпевший должен находиться в материальной, служебной или иной зависимости от обозначенного лица.

Значимым для установления состава исследуемого преступления является его субъективная сторона (психическое отношение лица к совершенному им деянию (действию или бездействию) и его общественно опасные последствия). В силу специфики квалифицирующего признака, предусмотренного пунктом «а» части 2 статьи 110 УК РФ, части 2 статьи 109 УК РТ и заключающегося в установлении наличия материальной или иной зависимости лица от виновного, обязательным является установление именно целенаправленных действий субъекта преступления, склоняющего или способствующего формированию решительного поступка потерпевшего совершить суицид.

Исходя из указанного, обоснованным представляется формулирование следующих выводов. Доведение до самоубийства — достаточно

специфическое преступление, поскольку неестественное прерывание жизни или покушение на таковое непосредственно совершает не виновное лицо, а потерпевший, лишая себя самого ценного — жизни. Причинами самоубийства выступают личные проблемы и особенности суицидента, однако состав преступления наличествует лишь в том случае, когда к такому поступку потерпевшего доводит, склоняет иное лицо, в том числе и способствующее совершению такого преступления. Условиями, дополнительно склоняющими потерпевшего к суициду, может быть материальная, служебная, брачная и другие зависимости, а виновный, в свою очередь, может стремиться к смерти потерпевшего из-за желания завладеть его имуществом, деньгами, другими материальными благами или избавиться от материальной зависимости от него.

Список источников

1. Статистика самоубийств в России в 2022 году: количественный анализ и важные факты. URL: <https://deti-skazki.ru/novosti/statistika-samoubiystv-v-rossii-v-2022-go/> (дата обращения: 11.12.2023).
2. Омбудсмен Львова-Белова предложила создать службу для борьбы с подростковым суицидом. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/493741-ombudsmen-lvova-belova-predlozila-sozdat-sluzbu-dla-bor-by-s-podrostkovym-suicidom> (дата обращения: 11.12.2023).
3. Статистические данные о количествах совершаемых самоубийств в Республике Татарстан (2015–2023 гг.). Документ опубликован не был.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 октября 2023 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2594.
5. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года, № 9 (в ред. от 19 июля 2022 года № 1896) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1998 года. № 9, ст. 68–69; № 22, ст. 306.
6. Решетникова Д. В. Особенности момента окончания преступлений против жизни и здоровья по Уголовному кодексу Российской Федерации // Общество и право. 2011. № 1 (33). 108–111.
7. Уколова Ю. А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 219 с.
8. Буликеева Д. Ж. Проблемы применения квалифицирующего признака «Иное лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии» // Вестник ЧелГУ. 2013. № 17 (308). С. 54–57.
9. Корягина А. Н. Взаимоотношения потерпевшего и преступника: уголовно-правовое значение // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 2. С. 207–216.

10. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный текст Конституции Российской Федерации с внесенными поправками от 14 марта 2020 года. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.12.2023).

11. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22 мая 2016 года) URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 11.12.2023).

12. Смертность от внешних причин в России с середины XX века / А. Г. Вишневский, С. Васин, Е. Кваша [и др.]; под науч. ред. А. Г. Вишневого. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 447 с.

13. Нигматуллин М. Р. Домашнее насилие как причина доведения до самоубийства // *Виктимология*. 2020. № 2 (24). С. 19–26.

14. Women who suffer domestic abuse three times as likely to attempt suicide. URL: <https://www.theguardian.com/society/2023/feb/22/women-who-suffer-domestic-abuse-three-times-as-likely-to-attempt-suicide> (дата обращения: 11.12.2023).

15. Kavak F., Aktürk Üm., Özdemir A., Gültekin A. The relationship between domestic violence against women and suicide risk. *Archives of Psychiatric Nursing*. 2018. Vol. 32. Issue 4 (August). Pp. 574–579.

16. Jakubczyka A., Klimkiewicz A., Krasowska A., Kopera M., Sławińska-Cerana A., Brower K. J., Wojnar. M. History of sexual abuse and suicide attempts in alcoholdependent patients. *Child Abuse & Neglect*. 2014. Vol. 38. Issue 9 (September). Pp. 1560–1568.

17. Антипова А. В. Криминологические и уголовно-правовые меры предупреждения доведения несовершеннолетних до самоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 210 с.

Reverences

1. Suicide statistics in Russia in 2022: quantitative analysis and important facts. URL: <https://deti-skazki.ru/novosti/статистика-самоубийств-в-россии-в-2022-го/> (accessed 11.12.2023). (In Russ.)

2. The Ombudsman of Lviv-Belova proposed to create a service to combat teenage suicide. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/493741-ombudsmen-l-vova-belova-predlozila-sozdat-sluzbu-dla-bor-by-s-podrostkovym-suicidom> (accessed 11.12.2023). (In Russ.)

3. Statistical data on the number of suicides committed in the Republic of Tatarstan (2015–2023). The document was not published. (In Russ.)

4. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 no. 63-FZ (as amended on August 4, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on October 12, 2023). *Collection of Legislative acts of the RF*, June 17, 1996, no 25, art. 2954. (In Russ.)

5. The Criminal Code of the Republic of Tajikistan of May 21, 1998 no. 9 (as amended no. 1896 of July 19, 2022). *Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan*, 1998, no. 9, art. 68, art. 69, no. 22, art. 306. (In Russ.)

6. Reshetnikova D. V. Features of the moment of the end of crimes against life and health according to the Criminal Code of the Russian Federation. *Society and law*, 2011, no. 1 (33), pp. 108–111. (In Russ.)

7. Ukolova Yu. A. Problems of qualifying incitement to suicide as a criminal act. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2008. 219 p. (In Russ.)

8. Bulikeeva D. Zh. Problems of applying the qualifying feature “Another person who is known to the guilty person to be in a helpless state”. *Bulletin of ChelSU*, 2013, no. 17 (308), pp. 54–57. (In Russ.)

9. Koryagina A. N. The relationship between the victim and the criminal: criminal legal significance. *Current problems of Russian law*, 2010, no. 2, pp. 207–216. (In Russ.)

10. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote of December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote of July 1, 2020). The official text of the Constitution of the Russian Federation, as amended, of March 14, 2020, was published on the Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 11.12.2023). (In Russ.)

11. The Constitution of the Republic of Tajikistan of November 6, 1994 (with amendments and additions as of May 22, 2016). URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (accessed 11.12.2023). (In Russ.)

12. Mortality from external causes in Russia since the middle of the 20th century / A. G. Vishnevsky, S. Vasin, E. Kvasha [and other]; under scientific. ed. by A. G. Vishnevsky. Moscow. House of the Higher School of Economics Publ., 2017. 447 p. (In Russ.)

13. Nigmatullin M. R. Domestic violence as a cause of incitement to suicide. *Victimology*, 2020, no. 2 (24), pp. 19–26. (In Russ.)

14. Women who suffer domestic abuse three times as likely to attempt suicide URL: <https://www.theguardian.com/society/2023/feb/22/women-who-suffer-domestic-abuse-three-times-as-likely-to-attempt-suicide> (accessed 11.12.2023).

15. Kavak F., Aktürk Üm., Özdemir A., Gültekin A. The relationship between domestic violence against women and suicide risk. *Archives of Psychiatric Nursing*. 2018. Vol. 32. Issue 4 (August). Pp. 574–579.

16. Jakubczyka A., Klimkiewicz A., Krasowska A., Kopera M., Sławińska-Cerana A., Brower K. J., Wojnar. M. History of sexual abuse and suicide attempts in alcoholdependent patients. *Child Abuse & Neglect*. 2014. Vol. 38. Issue 9 (September). Pp. 1560–1568.

17. Antipova A. V. Criminological and criminal legal measures to prevent minors from driving themselves to suicide. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2020. 210 p. (In Russ.)